

Н. П. ПОЛТОРАЦКИЙ

Н. А. Бердяев

Философия эсхатологического анархизма

Философская автобиография Бердяева «Самопознание» была задумана давно, но писалась лишь в последние годы и вышла уже после смерти ее автора*. Она не может быть отнесена ни к мемуарам, ни к «исповедям», ни тем более к обычным автобиографиям. Книга написана применительно к основным изломам творческого пути Бердяева, в ней дана не столько история его жизни, сколько история его духа.

По замыслу «Самопознание» неразрывно связано с другой, тоже очень автобиографической, книгой Бердяева «Русская идея», писавшейся в те же военные годы и являющейся формально биографией русского духа XIX и начала XX века, характерологией русского духовного типа и раскрытием основных тем русской мысли последних полутора столетий**. И там и здесь темы, многие оценки и характеристики, а иногда и целые главы, как, например, главы о русском культурном ренессансе начала XX века и взыскующей Новый Град бродячей Руси, повторяются почти дословно.

В «Самопознании» проявились обычные особенности бердяевской литературной манеры. Но дело не столько в том, что книга оказалась смешанной по своему типу, не выдержанной по стилю***, сколько в двух других недостатках, наличие которых признает и сам Бердяев. Прежде всего он совершенно

* *Бердяев Н. А.* Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж, 1949.

** *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Париж, 1946.

*** «Самопознание», с. 339. «Плохо лишь то, что я не выдерживаю стиля, пишу смешанно и слишком свободно».

сознательно умалчивает о многом из того, что играло огромную роль в его внешней и внутренней жизни, с чем связаны большие обогащения, но вместе с тем и драматизм этой жизни *. С другой стороны, Бердяев, которого интересует не так характеристика окружавшей его в разное время среды, как изложение его собственных реакций на эту среду, не всегда верно воспроизводит содержание и направление своих прежних переживаний и оценок, подменяя их тем отношением к вопросу, которое сложилось у него к 1940 году.

Но и в таком виде «Опыт философской автобиографии» представляет большой философский интерес. С поправкой на умолчание и стилизацию «Самопознание» дает верную характеристику духовного типа Бердяева, его идейных истоков, метода и мышления, а также основных идей его философского мирозерцания.

Духовный тип Бердяева больше мистический, чем религиозный. Внутренняя и внешняя жизнь Бердяева слагалась из постоянных кризисов и конфликтов. «Тоска до трансцендентному», эгоцентрическое барство и реактивный максимализм его натуры в соединении с испытанными им философскими влияниями сделали Бердяева эсхатологическим нигилистом и анархистом. По своему складу Бердяев был изначальный бунтарь.

Он никогда «не чувствовал себя по-настоящему и глубоко гражданином мира, членом общества, государства, семьи, профессии или какой-нибудь группировки, связанным с ними единством судьбы», и «соглашался признать себя лишь гражданином царства свободы» **. С годами эти мотивы звучали в его творчестве все сильнее и сильнее. Он стал крайним выразителем русского интеллигентского бунта против пушкинской почвенности и петровской государственности, против всякой почвенности и всякой государственности.

По своему призванию Бердяев — философ-моралист, антрополог, теософ, историософ, и метафизик. Бердяев — не дискурсивный мыслитель, его метод — не анализ, а характеристика. Идейные истоки Бердяева — Кант и германская философия, но основная закваска толстовская, ницшеанская и марксистская.

Центральной идеей философского мировоззрения Бердяева является участие человека в продолжении Божьего творения — идея Богочеловечества. Основные проблемы, всю жизнь мучившие Бердяева, были не столько богословско-догматические,

* Там же, с. 11 и 349.

** Там же, с. 341.

церковные или школьно-философские, сколько экзистенциальные проблемы смысла жизни, свободы, личности, творчества, вечности, зла и теодицеи, «т. е., в сущности, одна проблема — проблема человека, его назначения, оправдания его творчества» *. Для Бердяева христианство есть персонализм. Он признавал христианство лишь «как религию свободы и творчества, а не авторитета и традиции» **.

В этом, главном для Бердяева, плане его «Опыт философской автобиографии» — и большая часть предыдущих произведений — есть не что иное, как философия метафизического барства, эсхатологического анархизма и романтического нигилизма.

Бердяев, однако, так и не смог окончательно преодолеть мучившего его всю жизнь конфликта между личностью и обществом, между анархической свободой и коммунистическим равенством. Его отношение к большевизму и советской власти двусмысленно, соблазнительно и не достойно философа, не раз заявлявшего, что для него невозможен никакой конформизм и что он непримирим к врагам свободы. Бердяев был навсегда отравлен марксизмом, в нем и под конец жизни просыпался марксист в объяснении исторического процесса и социально-экономических отношений. В русской коммунистической революции ему было «трудно отделить свет от тьмы, добро от зла» ***, он считал ее «социально-передовой», хотя и «культурно-реакционной» ****, и старался увидеть «не только ложь, но и правду коммунизма» *****. Ужасно и недопустимо заявление Бердяева о том, что он *«согласился бы принять коммунизм социально, как экономическую и политическую организацию»* ^{6*}. Уже со времени его высылки из Советской России Бердяев «имел международную ориентацию советскую, всякую интервенцию считал преступной» ^{7*}, в советской власти видел русскую национальную власть ^{8*}, и еще в 1922 г. призывал к ее

* Там же, с. 108.

** Там же, с. 284.

*** Там же, с. 168.

**** Там же, с. 178.

***** Там же, с. 264.

^{6*} Там же, с. 265.

^{7*} Там же, с. 368.

^{8*} «Советскую власть я считаю единственной русской национальной властью, никакой другой нет, и только она представляет Россию в международных отношениях» (там же, с. 363).

формальному признанию западными государствами. В германо-советскую войну Бердяев прошел через сильный совпатриотический подъем *. После истории с Зощенко и Ахматовой он «пережил тяжелое разочарование» и стал «ко многому относиться критически в действиях советской власти» **, но от своих «коммуноторных» увлечений так и не избавился.

Бердяев никогда не был «чистым философом», он постоянно вносил религию в философию и политику, политику — в философию и религию, философию — в религию и политику. Он не мог, да и не стремился изжить свою органическую страсть к неорганическому синтезированию. Этой страстью создана его философия.

В духовном типе Бердяева и в его философии много русских особенностей, точнее, русских недостатков, но его невозможно считать типичным представителем русской философской и тем более публицистической мысли. Еще менее его можно считать характерным выразителем русской религиозной мысли и русского православия. Еще Розанов сказал как-то, что в Бердяеве больше от Майстера Экхарта, чем от Тихона Задонского.

При всем диалектическом богатстве его мыслей, Бердяев не учитель, не духовный руководитель. За ним невозможно следовать, он никогда не мог создать никакой школы, хотя стремился активно влиять на религиозно-интеллигентские круги, в особенности молодежи. Несмотря на свою все возрастающую на Западе известность, Бердяев был и остался одиноким, малопонятным и малопринятым мыслителем. Его почитатели ценили в нем совсем не то, что он сам считал в своем творчестве главным. Русская эмиграция, за единичными исключениями, от него отвернулась, как отвернулся от нее и сам Бердяев. Новые поколения в Советской России его и вовсе не знали.

Такова «диалектика одиночества», заставившая Бердяева прийти к той малоутешительной и не очень скромной мысли, что понимание его идей «предполагает изменение структуры сознания»: «Я обращаюсь не к завтрашнему дню, а к векам грядущим» ***.

* Там же, с. 357.

** Там же, с. 370—372.

*** Там же, с. 355.